

☉ Лондонская премия представляет писателя ☉

ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ

Михаил Чикин

Михаил Чикин

Превратности судьбы (сборник)

**Серия «Лондонская премия
представляет писателя»**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51406659
Превратности судьбы: сборник стихов / М. Чикин:
Интернациональный Союз писателей; Москва; 2020
ISBN 978-5-907306-04-2*

Аннотация

Предлагаемый читателю сборник стихов «Превратности судьбы» Михаила Чикина представляет собой подборку стихов и поэм разных лет. В нём поэт показал реакцию своей души на превратности судьбы, ведшей его по жизни. Здесь говорится о любви, верности и радостях, а также о предательстве и подлости, несущих горе и беду. О том, как вера в Бога и честь могут защитить от всевозможных напастей. Красной нитью проходят мысли автора о любви к России, её природе и временам года, её многострадальному народу, своим близким, родным и любимым.

Содержание

Как знать	9
Осенняя грусть	11
«Поникли астры в вазе на столе...»	13
«Бедная моя больная Русь...»	15
Рябина	17
Забытая песня	19
Не хочу	21
«Как больно сердце взорвано любовью...»	23
Глаза	24
Журналистам	26
Признание	29
«Я знаю, очень больно без любви...»	30
Первый снег	31
Смех на снегу	32
«Вы написали, что ночь-проститутка...»	34
Ответ	36
«Как долга жизнь и как она мала...»	38
Пора понять	39
Превратности судьбы	41
«Опустился тихо белым облаком...»	43
«Запуржило, замело, завьюжило...»	45
«Заблудилась вдалеке зима...»	47
«Рождество Твоё, Христе Боже наш...»	49

Про крыс	51
Богоявление	53
Про ворону	55
Моему Факелочку	57
С Днём рождения, любимая!	58
Нам говорят	60
Мочь и немочь	62
О ненависти	64
Оптимистическая трагедия	66
Остановитесь	68
Снег воспоминаний	70
Берёзовый плач	72
Призыв	73
«Отшумело листвой...»	75
А что с душой?	78
Рабская свобода	80
Запретный плод	82
Частушки	84
«Вы боитесь хорошей погоды...»	86
Новогодний иней	87
Новый год	89
Про праздники	91
«Раскиселил южный ветер...»	93
Виртуальная любовь	95
«Как бы знать, когда и что на свете будет...»	96
«Я вас любил, мои родные...»	98

«Надо мною свинцовые тучи...»	99
«Меняет ли характеры тюрьма?..»	101
«Который день всё поливает дождь...»	103
«От тюрьмы, да от сумы не зарекайся...»	104
«Повернуло лето на закат...»	105
«Я видел, как за мною приходила смерть...»	107
Чёрный юмор	108
Прогулочный дворик	109
«Неужели пролетит так лето...»	110
«Мой следователь был такая сука...»	111
Романс	113
«Наконец-то за окошком снова солнце...»	114
«Надзиратель решетку и шконку...»	116
«Давит бок мой железная шконка...»	118
Разговор со следователем	120
Вертухай на вышке	121
За окошком	123
«Когда-то тут Дзержинский по соседству...»	125
Сто девятнадцатая камера	127
Следователь и прокурор	129
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Михаил Чикин

Превратности судьбы

Лондонская премия представляет писателя

© М. Чикин, 2020

© Интернациональный Союз писателей, 2020

Михаил Александрович Чикин родился 22 ноября 1947 года в деревне Сухая Орлица Орловского района Орловской области. В 1965 году окончил среднюю школу № 25 горо-

да Орла и поступил в Дальневосточное танковое училище (ДВТУ), которое в конце этого же года было переименовано в Благовещенское высшее танковое командное училище (БВТКУ).

В 1968 году окончил военное училище в звании лейтенанта.

В 1998 году оставил военную службу в звании полковника и отправлен в запас. Пенсионер Министерства обороны РФ с 1 мая 1998 года. С 16 ноября 1998 года является инвалидом 2-й группы по заболеванию, полученному в период прохождения военной службы. Награждён орденом Красной Звезды и многими медалями СССР и Российской Федерации.

В 1982 году окончил Орловский государственный педагогический институт по специальности «учитель истории и обществоведения средней школы». В 1997 году с отличием завершил учебу в Орловской региональной Академии госслужбы с квалификацией менеджера по специальности «государственное и муниципальное управление». Преподаватель социально-политических дисциплин. Кандидат социологических наук.

В период с августа 1999 года по декабрь 2012 года работал на различных гражданских должностях. Последняя занимаемая должность – руководитель дополнительного филиала Негосударственного пенсионного фонда «Промагрофонд» в г. Орле.

Женат, имеет двоих детей.

Пишет стихи. Большая их часть напечатана на сайте «Стихи. ру».

Как знать

Как знать бы: где найдёшь, где потеряешь,
Как жизнь пройдёт, когда и как умрёшь,
Когда судьбу свою кому вверяешь,
Что лучше – правда или ложь.

Ну кто тебе про это правду скажет,
И кто позволит это всё узнать,
На бутерброд то знанье не намажет,
Чтоб вместе с ним вкус жизни вам познать.

Одно лишь только знаю: правда лучше,
Пусть горькая, чем сладенькая ложь,
А с ложью мы душою станем глуше,
Глухим навряд ли истину поймёшь.

Всё знать не надо – так неинтересно,
Стремленья в жизни будут пропадать.
Ну что за жизнь, когда всем всё известно,
Так стоит к ведунам идти гадать?

Тем более, что ведуны обманут
И в душу вам смятение введут,
От Бога ваши души дальше станут,
Коль в сети сатаны они впадут.

Ведь не гадать о жизни – строить надо
И веру в Бога Вышнего крепить,
Тогда нам будет каждый день – награда,
А вера в Бога будет нам светить.

Осенняя грусть

Всё, улетели к югу журавли,
Поля, что колосились, опустели,
Последние цветы все отцвели,
И листья на деревьях облетели.

На грустных ветвях плачущих берёз
Седою паутиною повисли,
Тяжелой ношей отзвеневших грёз,
Любви – несбывшейся, прощальной – мысли.

Шуршат сухие листья под ногой,
Как будто шепчут нам с печалью грустной,
Что нет надежды больше никакой,
Что стало холодно, темно и пусто.

Что скоро занесёт холодный снег,
Тяжёлым грузом намертво задавит
Морозный, леденящий, смертный мех,
Другого выбора им не оставит.

Лишь только ждать весенней той поры,
Чтоб стать для новой жизни удобреньем,
Чтоб порослей вновь молодых дары
Им стали памятью, благодареньем.

«Поникли астры в вазе на столе...»

Поникли астры в вазе на столе,
Последний радостный букет осенний,
Ещё на год стал старше, постарел,
Ещё на шаг приближен миг последний.

Когда, как астры эти, унесут
Короткою, печальною дорогой
На мой последний в этой жизни суд,
Последний суд – и праведный, и строгий.

И пусть недолго в жизни я светил,
Дарил тепло и был в беде подмогой
Всем тем, кому свою жизнь посвятил
И за кого всегда молился Богу.

Увы, но осень жизни всё ж пришла,
Осыпала волос листы седые,
Задумчиво морщинками прошла,
Отметив вехи-годы молодые.

А вслед и зимняя пора нашла,
Надежды, света и тепла лишая,
Подкралась, незаметно подошла,
Цикл жизненный собою завершая.

И только душу продолжает греть,
Что я любим, что есть любовь на свете,
И не страшны становятся ни смерть,
Ни тьма, когда любовь как солнце светит.

«Бедная моя больная Русь...»

Бедная моя больная Русь,
Вставшая из глубины веков,
Знаю, что воспрянешь, но боюсь,
Что не сбросишь ты своих оков.

Посреди несметнейших богатств
Ты стоишь с протянутой рукой,
То ль не видишь чаши, полной яств,
То ль привыкла к жизни уж такой.

То ль повисли грузом на руках
Крохоборы, бездарь, слизняки,
Стали кандалами на ногах
Бюрократы, воры-червяки.

Неужели дашь себя раскрасить,
Дашь повергнуть в злое иго вновь,
Чтобы эта воровская масть
Высосала всю России кровь.

Полной грудью, Русь моя, вздохни,
Ты ж сильна историей своей,
Встрепенись, Великая, стряхни
Присосавшихся к тебе червей.

Поднимись в могучий полный рост,
Силушкой былинной покажись,
Дай народу в Будущее мост,
Встань с колен, Россия, распрямись.

Знаю я, что время то придёт,
Сбросишь ты с себя тоску и грусть,
И пойдёшь счастливая вперёд,
Славная моя Святая Русь.

Рябина

Стройная рябина покраснела,
Свой наряд зелёный с ветвей сбросив,
Разрядившись в гроздь-бусы, смело
Зашагала в огненную осень.
Не стыдась, что вовсе не одета,
Не со стыда, а гроздьями горела,
Распаляясь от солнечного света,
Красотой своей пленить хотела
Тонкий клён, без листьев загрустивший,
Дуб могучий, хмуро шелестящий,
Ветви на рябину опустивший,
Или тополь, рядом с ней стоящий.
Ведь никто вокруг так не наряден,
Ни серёг, ни бус тех не имеет,
Кто её, рябины, строим ладен,
Кто убранством с ней сравниться смеет?
Промолчала девица-берёза,
Ива низко ветви опустила
И, с ветвей отряхивая слёзы,
О весёлом времени грустила.
Думали они, что минет время,
Гроздь-бусы все отпламенеют,
Станут распускаться почки, семя,
Вновь весна придёт – зазеленеют.

И рябине с ними не сравниться,
Так что пусть красуется, срамится...

Забытая песня

По осеннему парку я пройду,
Хожено когда-то там немало,
И скамейку ту старую найду,
Где когда-то я сидел, бывало.

Сяду вспоминать, сяду вспоминать
Песни светлой той слова с начала,
Сяду вспоминать, сяду вспоминать,
Как мелодия тогда звучала.

Та мелодия за сердце брала
И любовью душу наполняла,
Но я песни той, жаль, забыл слова,
Лишь мелодия во мне звучала.

Сел я вспоминать, сел я вспоминать
Песню, что во мне тогда звучала,
Сел я вспоминать, сел я вспоминать
Песни светлой той слова с начала.

Клёна жёлтый лист над скамьёй кружил,
Как в то время давнее бывало,
Но не долго лист ей ковром служил,
Ветром листья со скамьи сдувало.

Буду вспоминать, буду вспоминать,
Как мелодия тогда звучала,
Буду вспоминать, буду вспоминать
Песни светлой той слова с начала.

Тут услышал я новые слова
Новой песни, песен тех немало,
Но она других за собой звала
И другим их души наполняла.

Жаль, не вспомнил я, жаль, не вспомнил я
Песни светлой той слова с начала,
Лишь останется та мелодия,
Что во мне тогда всегда звучала.

Не хочу

Вы меня хотели пригласить
На пикник в компанию шальную,
Мол, они сумеют погасить
Жар, что жжёт мою душу больную.

Нет, не буду с вами я дружить,
Пить, играть, гулять и веселиться,
Не хочу шальной жизнью жить,
Как бездомная кукушка-птица.

Не хочу вино и пиво пить,
Ни шашлык, ни водка не помогут,
Можно душу коньяком залить,
Только с чем потом приду я к Богу.

Нет, не буду с вами я дружить,
Пить, играть, гулять и веселиться,
Не хочу шальной жизнью жить,
Как бездомная кукушка-птица.

Лишь любовь одна душу спасёт,
Вы любовью жить мне не мешайте,
Ваша жалость счастья не несёт,
Так что вы меня не приглашайте.

Нет, не буду с вами я дружить,
Пить, играть, гулять и веселиться,
Не хочу шальной жизнью жить,
Как бездомная кукушка-птица.

«Как больно сердце взорвано любовью...»

Как больно сердце взорвано любовью,
Кто испытал, тот может лишь понять,
Как наполняется оно всё болью,
Которую нисколько не унять.
Когда оно исходит всё слезами,
Когда внутри звучит набатный звон,
Когда оно, не выдержав экзамен,
Кричит, срываясь на надрывный стон.
Какое можно дать ему лекарство,
Как сердце раненое исцелить —
Когда бы знал, отдал за то все царства
Какие есть, чтобы с любовью жить.

Глаза (песня)

Кто тебе сказал, что серые глаза
туманные?

Кто тебе сказал, зелёные глаза —
обманные?

Кто тебе сказал, что карие глаза
красивые?

Кто тебе сказал, что синие глаза
счастливые?

Кто тебе сказал, ну кто тебе сказал
неверное?

Видно, обмануть он тебя хотел,
наверное.

Коль туман в душе, будут и глаза
туманные.

Коль обман в душе, будут и глаза
обманные.

Красива душа, так же и глаза
красивые.

Счастлива душа, и твои глаза
счастливые.

Каждые глаза – зеркало души,
то верное.

Значит, не в глазах, главное – в душе,

наверное.

Журналистам

Нам СМИ вещают: средняя зарплата
В стране большая, каждый год растёт,
Что ж, хорошо устроились, ребята,
Что им ещё сказать на этот счёт.

Миллионера если с сотней нищих
По этой вот системе посчитать,
То в среднем – да! Тогда зарплата выше,
Тогда у нас, конечно, благодать.

Но люди есть хотят, увы, не в среднем,
У всех из сотни собственный есть рот?
Богач – распух, давясь «куском последним»,
У сотни нищих подвело живот.

Один – шикует голым на попойке
Под крики «браво!», «бис!» и топот ног.
Другой же – детям ищет на помойке
Еду с одеждой, что купить не смог.

Не среднюю он получил зарплату,
А ту, с которой вовсе не прожить,
Клока с неё не купишь на заплату,
Не то чтоб детям вкусное купить.

Так, может, хватит врать и изгаляться,
От вас ведь правду-матку люди ждут,
Правители, быть может, и позлятся,
Но о народе думать всё ж начнут.

Вдруг о народе проявят заботу,
И экономику решат поднять,
Народу, дав хорошую работу,
А не подачки будут раздавать.

Не уведут Стабфонд в другие страны,
Должна же быть промышленность своя,
А то выходит как-то очень странно —
Ведь нефть, она же тоже и моя.

У нас отняли недра, все богатства,
Что, для того, чтоб «Челси» занять?
Себе построить сказочные царства,
Ну а народу уготовить смерть?

Но, коли вспомнить, это проходили,
Уже один семнадцатый год был,
Когда весь гнев народный разбудили,
Владелец «Челси», видно, подзабыл.

Правительство и Президент не помнят,
Какой постиг Россию тогда крах,
И, видно, ждут, когда им вновь напомнят,

Как гнев народный вызывает страх.

Так стоит ли, скажите вы, игратья,
Не лучше ль правду говорить сейчас,
Подумайте же, журналисты-братцы,
Народ погибнет и не будет вас.

Быть может, посмотреть вам жизнь какая
Подальше от Садового кольца?
Россия-матушка – она большая,
Зачем же ждать терпению конца...

Признание

Я тебе пропою эту песню мою
И стихи о любви прочитаю,
В них тебе говорю, что тебя я люблю
И хранителем в жизни считаю.

Я тебя повстречал на тернистом пути,
С тех пор рядом с тобою шагаю,
Без тебя не сумею мне по жизни идти,
Потому тебе песни слагаю.

В этих песнях тебе о любви говорю,
Как бы жил без тебя, я не знаю,
В этих песнях тебе своё сердце дарю,
Оно всё для тебя, дорогая.

Я тебе пропою снова песню мою,
Вновь стихи о любви прочитаю,
Вновь тебе говорю, что тебя я люблю
И тебя своей музой считаю.

«Я знаю, очень больно без любви...»

Я знаю, очень больно без любви,
Особенно коль нет любви ответной,
Но, коли любишь, всё равно люби,
Как нас Мать Божья любит беззаветно.
Наступит время, и любовь придёт,
Как утро после ночи наступает,
Сердца, открытые любви, найдёт,
Любви гранитный камень уступает.
Любовь свою как Божий дар неси,
Дари, но подаяний не проси.

Первый снег

Падал лёгкий снег, кружась, украдкой,
И до земли не долетая, таял —
Так, проделав первый путь свой краткий,
Нам предупреждение оставил,
Что теперь придет зима, и скоро,
Разрешения у нас не спросит,
Землю снегом всю засыплет споро,
Всё вокруг заледенит и заморозит.
Выбелит, узорами раскрасит,
В шубы снежные свои оденет,
Инеем серебряным украсит,
Но тепло на холод лютый сменит,
Чтоб забыли мы весну и лето,
И как осень в золоте купала
Под лучами солнечного света...
Так зима украдкой наступала...

Смех на снегу

Хлопьями с неба падает
Нежный пушистый снег,
Каждой снежинкой радует,
Дарит веселье, смех.

Сыплет в лицо снежинками,
Вьюгой метёт сугроб,
С криками мчим, смешинками,
Снегу подставив лоб.

Лишь наступает снежная
Радостная пора,
Пусть хоть метель крошечная,
Весела детвора.

Взятием снежной крепости
И изваяньем баб,
Детских забав нелепостью
Вымочен и ослаб.

Взрывом снежка взлохмаченный,
Ты ощущаешь вкус,
Памятью не утраченный
Снежного кома хруст.

Ловим летящий хлопьями
Нежный пушистый снег,
Радостным криком с воплями
Сыплем по снегу смех.

«Вы написали, что ночь-проститутка...»

Вы написали, что ночь-проститутка
Познала этой ночью, мол, оргазм,
Мол, нам так было радостно, что жутко,
Всё описать решилась без прикрас...

Подумал: может, впрямь ночь – проститутка,
Кому-то, спаси Боже, продалась,
Как куртизанствующая институтка,
Не по любви, за деньги отдалась.

Но, поразмыслив, понял, ночь не может,
Не продается без любви она,
Она луной другим любовь ворожит
И в проститутки вовсе негодна.

А то, что ночью, от любви в экстазе
Зайдясь, бывает, разве что кричим,
То с проституцией какие связи —
Втихую с ними: раз, два и молчим...

Зачем же ей приписывать пороки
Свои и проституткой обзывать?
К чему в стихах про ночь такие строки,

К своим порокам надобно взывать.

Прекрасна ночь любовью вдохновенной,
В ночи возникла нашей жизни суть,
Она – источник бытия Вселенной,
Ночь – мать, к которой мы хотим прильнуть.

Ночь нас сближает, обостряет чувства,
Нас окрыляет, в небеса зовёт,
В ночи полёт рождается искусства,
В ночи любовь-волшебница живёт.

А тот, кто ночь равняет с проституткой,
Душой попал в помойку, в нищету,
Я б посчитать хотел стихи те шуткой,
Не ту себе вы взяли ночь, не ту.

Ответ

Вы в чём-то здесь правы, но лишь отчасти,
А в основном позиция странна,
Я говорил о правящих, о власти,
Что править продолжает сатана.

О том, что жаль, но мы ушли от Бога,
Что сатана ещё не отпустил,
Что наша жизнь – разбитая дорога,
Молите Бога, чтоб он нас простил.

Не Бог плоть нашу дергает за нитки,
Не Он источник мыслей-катастроф,
Мы с сатаной по жизни были притки,
А нас спасти лишь может только Бог.

Но нас, увы, замучила гордыня,
Мол, что мне Бог, я сам всему творец,
И, получили что имеем ныне,
А что мог получить ещё глупец?

Да, человек способен ведать мыслью,
Но вот куда та мысль его ведёт,
И дело в том – я так об этом мыслю:
Куда, какой дорогой он пойдёт.

Поэтому-то и прошу я Бога,
А также Божью Мать нас всех простить,
Нас вразумить, судя не очень строго,
От козней сатанинских защитить.

Наставить нас на правую дорогу,
Чтобы познали наконец мы суть
Всей жизни, нам дарованной от Бога,
Не покидая больше этот путь.

«Как долга жизнь и как она мала...»

Как долга жизнь и как она мала,
Когда её любовь связала,
Та, что Судьба обоим нам дала
И Божья Мать нам показала,
А как хотелось вечно вместе жить
Под солнцем, звёздами, луною,
Стихи и песни о любви сложить,
Их вместе петь с тобой одною.
Никто чтоб эту вечность не прервал,
Никто любовь чтоб не порушил,
Моей с тобой вселенной не взорвал
И не топтался б в наших душах.

Пора понять

Мы говорим, что нам дана свобода,
Что можно делать всё что захочу,
Влиять, мол, можем даже на погоду,
Нам всё на свете нынче по плечу.

Но мы забыли про мораль и совесть,
Они для нас сегодня не указ,
Забыли также, к сожаленью, что есть
Любовь и верность, мол, всё это сказ.

Сегодня всё на свете продаётся,
Одна проблема: деньги как найти
Или украсть, коль это удаётся
На сатанинском выбранном пути.

Но это всё не сможет длиться долго,
Коли мы жить так будем продолжать,
Не осознаем в жизни своей долга:
Детей любить и старость уважать.

Пора понять, не в нациях проблема,
Нам Богом всем одни права даны,
Один Закон и жизненная схема
Одна для каждой нации, страны.

Иначе жизни на Земле не будет,
Потоп Всемирный снова к нам придёт,
Нас очень скоро Бог за всё осудит,
На Суд свой Божий скоро приведёт.

За всё мы будем перед ним в ответе,
Что на Земле успели натворить,
И не спасутся даже наши дети,
Что не умеют даже говорить.

Одумайтесь, остановитесь, люди!
Неужто жизнь лишь для того, чтоб жрать,
И так всё вечно продолжаться будет,
Что можно всё крушить кругом и срать.

Что после нас останется потомкам,
Которые жизнь будут продолжать?
Хотите, чтоб сказали, что подонки
Здесь жили? Кто нас будет уважать?

Превратности судьбы

Я вспоминаю летние рассветы,
Которые встречали мы с тобой,
И первый лучик солнечного света,
Что стал твоею и моей судьбой.

Я помню, как шептали твои губы,
Прижавшись к уху, томно о любви,
И как ты, сжав от боли нежной зубы,
Стонала: «Я твоя, люби меня, люби...»

Как соловьёв в ночи звучали трели
Наперебой с журчаньем твоих слов,
Как пели в тишине цикад свирели,
Гоня из нас остатки наших снов.

Как вместо звёзд глаза твои сверкали,
Их свет манил и освещал мне путь,
Теперь другие дни давно настали,
И прошлого уж больше не вернуть.

И головы давно уж побелели,
И блеск в глазах, что раньше был, потух,
Мы вспоминаем чаще, как болели,
Кто слеп стал больше, а кто больше глух.

Теперь рассвет давно уж не встречаем,
Не шепчем нежно в ухо о любви,
А засыпаем за вечерним чаем...
Такие вот превратности судьбы.

«Опустился тихо белым облаком...»

Опустился тихо белым облаком
На своё творение, на Землю, Бог,
Чтобы посмотреть, что стало с обликом
Созданной Им в Первый день, той, что берёг.

Что любовью награждал с терпением,
Чтобы счастлив на Земле был человек,
Но увидел, что повсюду тернии
Покрывают землю и в наш новый век.

Что забыли, для чего все созданы,
Что Создателя уж стали забывать,
Будто индульгенции всем розданы:
Можно бить, ломать, крушить кругом, взрывать.

Возомнили себя Высшим Разумом,
Вспять, мол, реки даже можем повернуть,
Что там Божии Законы разные,
Мол, и солнце можем с неба сковырнуть.

А светило, мол, ещё придумаем,
Будет ярче день и ночь оно светить,
Так мы, Хомо сапиенсы, думаем,

И никто, мол, нам не может запретить.

Пригласил Илью Господь, Создатель наш,
– Хватит ждать, Илья, пора тебе идти!
Разгулялись люди, вошли, видно, в раж,
Так и Землю столкнут с Божьего пути.

Всю загадили её, стать некуда,
Да и в душах человеческих мрак, разврат,
Знать, пришло, настало время для Суда,
Пора выстроить людей у Судных Врат.

И пора крестить водой и пламенем,
Чтобы души все у сатаны отнять,
Тех, кто шёл под сатанинским знаменем
И не может этого никак понять.

Может, кто-нибудь ещё останется,
Чтоб жизнь новую здесь, на Земле, начать,
Может быть, что человек исправится,
Не придётся нам проект этот кончать...

«Запуржило, замело, завьюжило...»

Запуржило, замело, завьюжило,
Стало всё вокруг белым-бело,
На окне узором, дивным кружевом
Разукрасила зима стекло.

Иступлённо сыплет колким крошевом,
Забирается за воротник,
Злым, колючим холодом непрошенным
В мою душу мыслей лёд проник.

И поёт свирель-тоска печальная,
Заунывную выводит трель,
Злая музыка зимы, отчаянно
Распахнув, ворвалась в мою дверь.

Клубом пара ледяного вздыбилась,
Показать себя решив грозой,
А когда из сил последних выбилась,
То скатилась по душе слезой.

Не видать ни зги за белым крошевом,
Колким снегом ветер бьёт в глаза,
Не вернуть, увы, обратно прошлого,

К сожаленью, нет пути назад.

Впереди всё замело, завьюжило,
На дороге то сугроб, то перемёт,
Злое снежное седое кружево
На пути моём преградою встаёт.

«Заблудилась вдалеке зима...»

Заблудилась вдалеке зима,
Утонув, в грязи осенней потерялась,
Видно, что совсем сошла с ума,
Разорвать годичный круг старалась.

Видно, нравится месить ей грязь,
Знать, по нраву хлябь и нудный дождь промозглый,
Ну какая между ними связь —
Между хлябью и зимой морозной?

Ну какая между ними связь,
Что их крепко так между собой связало,
Отчего зима, всего боясь,
Эту грязь нам тоже навязала?

Отчего зима забыла снег,
Про мороз скрипучий, лютый позабыла,
Неужели чуждым стал ей смех?
Осень грязью всё в зиме убила.

Неужели ей не надо шуб,
Неужели лёд с коньками ей не нужен,
Неужели дед Мороз стал глуп,
С головой своей теперь не дружен?

Вспомни, зимушка-зима, мороз,
Вспомни снежные свои леса и горы,
Хватит плакать, отряхнись от слёз,
Выходи на русские просторы.

Хватит грязь месить и слёзы лить,
Русь в грязи – ну, право слово, некрасива,
Неужели ты смогла забыть,
Без зимы Россия – не Россия?

«Рождество Твоё, Христе Боже наш...»

Рождество Твоё, Христе Боже наш,
Воссия мирови свет разума,
Яко люди Твоя для Бога спас,
Омый души ея от грязного.

Вразуми и настави на правый путь,
Вифлеемской звездой его освети,
Дай познать человекам сей жизни суть,
Буди милостив, Боже, грехи прости.

Ты наполни любовью сердца людей,
Их от злобы и подлости вычисти,
Сохрани, Христе Боже, Твоих детей,
Сатанинской не дай их нечисти.

Величаем Тя, Живодавче Христе,
Ради нас к жизни плотью рождена,
За людей жизнь отдавшего на Кресте,
Чтоб людьми жизнь была продолжена.

Слава, Господи Боже наш, Слава Тебе!
Рождество Твоё людям в спасение,
Зародившему новую жизнь на Земле,

Даровавшему нам Воскресение.

Слава, Господи Боже наш, Слава Тебе!

Про крыс

Побежали крысы с корабля,
Словно очумели все от страха,
Пока не ушла еще земля,
Чувствуя нутром начало краха.

Чувствовал – идёт корабль ко дну,
И вода уж заливаает трюмы,
Скоро даст сигналы «SOS», «Тону!»
Старый капитан седой, угрюмый.

Он и сам не прочь бы побежать
Вслед, тряся своим обвислым задом.
Что он может здесь ещё стяжать
С теми, кто останется с ним рядом?

Крысы – те пронырливы, хитры,
Эти знают, где им поживиться,
Капитан свой страх с усилием скрыл
И на крыс тех продолжал дивиться.

Думая, найдут корабль другой,
Тот, где не гуляли крысы зубы,
Там, где будут жить в тепле, с едой,
Там, где распушатся крысы шубы.

Где – как грызли, снова будут грызть,
Крысы ведь кем были, тем и будут,
Им крысиная отрадна жизнь,
Все уроки прежние забудут.

Будут грызть, пока не прогрызут,
И пока тонуть не станут тоже,
От тех крыс корабль ведь не спасут,
Ничего от крыс уж не поможет.

Надобно беречь корабль от крыс,
Чтобы крысы ваш корабль минули,
И никто чтобы корабль не сгрыз,
Чтобы вы потом не утонули.

Богоявление

Явление Бога! Мало ль это, много,
Задумывался ль кто когда из нас
И подходил ль к сему Творенью строго,
Встречая этот Праздник каждый раз?

Что думал Бог, когда в закланье Сына
На Землю грешную к нам направлял,
Какая этому была причина,
Что этим людям на Земле являл?

Быть может, Бог надеялся, что люди
Знамения и Подвиг сей поймут,
В любви, согласии, в мире жить все будут,
От сатаны отринутся, уйдут.

Ведь Он создал нас, мы Его Творенье,
Великий, Всемогущий наш Отец,
Для этого нам дал Богоявление,
В прозренье нам, чтобы прозрел слепец.

Народ, какой ослеп в своей гордыне,
Кто, для чего он на Земле, забыл,
Чтоб помнил человек, кто он отныне,
И Божью душу чтобы не губил.

Чтобы сошествием Святого Духа
Людей, Им созданных, ещё спасти,
Пока совсем души нашей разруха
Не допустила, Жизнь чтоб извести.

Смиритесь, люди, и в грехах покайтесь,
Кто верен Богу, будет Им спасён,
Водой Святой от скверны очищайтесь.
Любовью Божьей путь наш освящён.

Про ворону (Басня)

Ворона пению учила соловья:
КАР-тинно КАР-кая, слегка КАР-тавля
Критиковала, как берет он ноту «ля»,
– Учись, пичуга, как беру «фа» с «солью» я,
Как всё ритмично в КАР-каньи, КАР-сиво!
Раскинув крылья, хвост подняв спесиво,
Ворона КАР-канье крикливо повела:
– Я КАР-каньем с ума скольких свела
И скольких КАР-канью, КАР!.. научила,
Диплом на КАР-навале получила.
Что КАР-канья КАР-сивее КАР!.. нет,
На КАР-навале так сказал щегол-КАР-нет.
Мол, КАР-канье – шедевр, вершина музыки,
А соловьи, мол, ныне... тьфу! Обуза.
КАР-куша, мол, КАР-савица-певица,
Ею КАР-нет-щегол, мол, КАР!.. гордится.
Её, мол, КАР!.. – прославят небеса!
Но тут, увы, по случаю – лиса...

А соловей всё так же пел, всё заливался,
Не каркал, не учил, не задавался.
Мораль? – Не карканьем любовь стяжают,
А соловьёв и лисы уважают.

Моему Факелочку

Ах, как мне хочется «тебя люблю!» сказать,
Обнять тебя и ощутить всем телом
Твоё тепло, нас поцелуями связать
Так, чтоб текло желанье соком спелым.
Чтоб страстно впиться в нежность твоих сладких губ,
Почувствовать горячее дыханье,
Ты знаешь, что с тобою нежен я, не груб
На пике ласк и в ходе их стиханья.
Я каждой клеточкою чувствую тебя,
И твой огонь меня воспаляет,
Я жизнь свою всю проживу, тебя любя,
Об этом Бог, что свёл нас вместе, знает.
Я жду тебя, как солнца свет, его тепло,
Как воздух, что необходим для жизни,
Мне радостно с тобою рядом и светло,
Лишь о тебе все, Светлый Факел, мысли.

С Днём рождения, любимая!

С Днём рождения, любимая,
Яркий, светлый Факелочек!
Богом Господом хранимая,
Ты, как нежненький цветочек,
Даришь счастья наслаждение,
В душу ты тепло приносишь,
В будущую жизнь движение,
Радость доброты привносишь.
Ты дорогу освещаешь мне,
За всё то – спасибо, Боже!
Каждый день во мне ты и во сне,
Наяву и в мыслях тоже.
Ты мне Богом данная жена,
Ты моя любовь, моя отрада,
Ты моя защитная стена,
Ты мне Божия награда!
Я хочу, чтоб мы с тобой всю жизнь,
Богом данную, прожили,
Чтоб единой была наша мысль
И дела едиными чтоб были.
С Днём рождения, любимая,
Яркий, светлый Факелочек!
Богом Господом хранимая,
Ты – мой жизненный цветочек!

Нам говорят

Нам говорят: мы на подъёме,
Что рейтинг каждый день растёт,
Хоть власть ругают в каждом доме,
Но это всё для них не в счёт.

В стране, богатой нефтью, газом,
Дороже с каждым днём бензин,
Что не вмещает даже разум,
Где нет дорог, где всё в грязи.

Где полстраны живёт бомжами,
Где свалки сплошь и сплошь бурьян,
Где деньги сулят, чтоб рожали,
Где заправляют вор и пьянь.

Там, где народ всегда помеха,
А кто у власти – царь и бог,
Людское горе им потеха,
Мол, стерпят всё, народ ведь лох.

Где забывают, что и рейтинг
В одно мгновенье может пасть,
И царь бывает тоже смертен,
А следом гибнет его власть.

Не станет царственного рода,
Закон всей жизни сей такой,
Коль не поймут, что без народа
И царь не царь, и власть отстой.

Мочь и немочь

Я не могу по-прежнему рыдать,
Я не могу по-прежнему смеяться,
И не могу без повода страдать,
И не могу, как в молодости, драться.

Былые чувства плотью облеклись,
Былые думы – что, куда девались?
Былые страсти тихо улеглись,
Былые раны все зарубцевались.

Взамен им рассудительность пришла,
И бурю чувств размеренность сменила,
И мне так жаль, что молодость ушла,
И старость ноги путами скрутила.

Но я могу по-прежнему шутить,
Дарить веселье, радость вам и шутки,
И я могу по-прежнему любить,
И я могу по-прежнему быть чутким.

Так мочь и немочь как-то вдруг сошлись,
Внезапно как-то вдруг объединились,
И мочь, и немочь по сердцу прошлись
И где-то в нём теперь уединились.

Что не могу ни плакать, ни рыдать,
И не могу по-прежнему смеяться,
Но я могу, коли беда, страдать,
И всё ж могу, коль надо, то подраться.

О ненависти

Мы говорим, что ненависть слепа,
Она вслепую выбирает жертву
И бьёт тебя, пока ты не упал,
Пока не стал ты не живым, а мёртвым.

И охмелев от ярости слепой,
Очередную жертву выбирает,
Пока не кончится её запой.
От ненависти счастье умирает.

Она источник многих бед и войн,
Она начало катастрофы жизни,
От ненависти, став на мир весь злой,
Не оставляют жизни даже мысли.

Всё потому, что ненависть слепа
И в опьянении жертву выбирает,
Коль ненавидящий на вас напал,
То или он, иль жертва умирает.

Не дайте, люди, ненависти жить,
Сердца и души от неё закройте,
Чтоб Богу, а не сатане служить,
В себе сначала храм любви постройте.

Оптимистическая трагедия

Нам обещают, а нам всё мало,
Кричим: «Нищаем!» Мол, хуже стало!
Ну сколько можно нам обещать?
Совсем не сложно жить, не нищать,
Чтоб жить спокойней и нам, и власти,
Умри достойно, и все напасти
Умрут все. Сгинут. А после смерти —
Прямые спины. Их выгнут черти.

Ведь жизнь прожили, трудились честно,
О том сложили когда-то песни.
Их не убудет, пора прощать,
А власть нам будет всё обещать,
Тогда и счастье нас не покинет,
И в одночасье проблемы сгинут.
Вот так и надо. А то – «Нищаем!»
Коль мы как стадо, кнут получаем.

А коль мы рады, то власть довольна,
Врут для отрады, совсем невольно.
Ведь нам не просто всё обещают,
И окна РОСТА не зря вещают,
Уйдут напасти, пусть в новой жизни,
Придут вдруг к власти другие мысли.

Не о себе лишь, а о народе...

Не плачь, старик! Слышь? Всё как в природе...

Остановитесь

Я не хочу любви продажных женщин,
Им всё равно кому себя продать,
Они любовь свою считают вещью,
Для них товар – отец, родная мать.

Для них товар и их родные дети,
И всё, что окружает их – товар,
Для них товаром солнце даже светит,
И от луны хотят иметь «навар».

Им всё равно, кому и где продаться,
За деньги будут хоть кого «любить»,
Хоть на помойке могут вмиг отдаться,
Что им, могли б лишь хорошо платить.

Жаль проституток с каждым днём всё больше,
Торгуют телом, а детей в расход,
Нельзя Руси терпеть такого дольше —
Иначе смерть, и ждёт её исход.

Ведь созданы для продолженья рода
Мать, женщина любимая, сестра,
И в возмущенье входит вся природа.
Русь на пороге Божьего Костра.

Остановитесь милые, родные,
Неужто тяжело душой понять,
Убьют вас дни разгульные, шальные,
Останови их, Божья наша Мать.

Снег воспоминаний

Снег, кружась, ложился мне на плечи
И слезинкой таял на щеках
В этот тихий снежный зимний вечер,
Вспоминал тебя в своих мечтах.

Вспоминал, как в молодости ранней
Мы гуляли в парке над рекой,
Как снежком твоим был в сердце ранен,
Воскрешён был ласковой рукой.

Ты ловила языком снежинки,
Мило сморщив свой курносый нос,
А в глазах искрились лишь смешинки
И дразняще-манящий вопрос.

Словно всё спросить меня хотела,
Долго ль будем просто так бродить,
А потом, шагнув навстречу смело,
Прошептала: «Я хочу любить...»

И, прильнув ко мне дрожащим телом,
Прошептала тихо: «Я твоя...»
На сугробе в одеяле белом
Я впервые вкус любви узнал...

Много лет спустя, всё в том же парке,
Ты с детьми гуляла над рекой,
И у сына вихорочек яркий
Разорвал души моей покой.

Снег, кружась, ложился мне на плечи
И слезинкой таял на щеках,
Понял я, что в тот далёкий вечер
Всё осталось далеко в мечтах.

Берёзовый плач

Я смотрел, как плакала берёза,
Собирая в банку на стволе
Исходящие из раны слёзы,
Чтоб разлиться соком на столе.

Чтоб её, живую силу влаги,
По стаканам водочным разлить
И потом с блевотиной, в овраге,
По ручью помойному проплыть.

Я смотрел на раненое тело
Русской девичьей лесной красы,
На котором с банкою висела
Жадность злобная в разгар весны.

Мы потом тоскуем по берёзам,
Когда вместо них увидим пни,
Позабыв про боль берёз и слёзы
В те весенние шальные дни.

Призыв

Семьдесят с лишним знойных лет
Протекло с времени Побед,
Что свершали порой лихой,
Пролив крови своей с лихвой.
Лишь надеясь на Память тех,
Кто познал радость жизни, смех,
За кого грозной той порой
Жизнь отдал здесь Солдат-герой,
Что лежит под сырой горой.

Их смогли только схоронить,
Веря – будем о них хранить
Вечно Память в своих сердцах,
Не познать чтоб войны вновь страх.
То, что дети и внуки их
Не допустят вновь страшных лих
И нарушить священный мир
Не дадут из последних сил
В память тех, кто когда-то жил.

Люди, вспомните тех солдат,
Что в могилах сейчас лежат,
Ради нас, здесь сейчас живых,
Совершён смертный Подвиг их.

Жаль, не знаем всех их имён,
Но их Памяти дух силён,
Эта Память зовёт нас в путь,
Не даёт нас сломить, согнуть
И фашизм вернуть.

«Отшумело листвою...»

Отшумело листвою
И цветами разгульное лето,
Осень жизни моей
Золотым листопадом зажглась.
Над моей головой
Ярко-знойного рыжего цвета,
Спелых хлебных полей
Осень жизни косою прошла.

Мне хотелось иметь
В этой жизни все блага земные:
Славных дочек, сынов,
Дом построить и сад развести.
Мне хотелось всё петь
Песни русские буйно-шалльные,
Что мелодией слов
Могут вдаль за собой увести.

И я пел и шагал
По дороге, бывало, беспечно,
И куда заведёт
Мой конечный маршрут, не глядел.
Меня страх не пугал,
Я надеялся, будет так вечно,

Думал, песня зовёт,
Коли колокол в сердце гудел.

А мой голос охрип,
И строптивное сердце остыло,
Я разборчивей стал,
Трижды мерил, чтоб раз лишь шагнуть.
Стал пугать каждый скрип,
И спина часто с устали ныла,
Видно, в жизни устал,
И пора мне пришла отдохнуть.

Но я духом силён,
И меня не ломает усталость,
Я сумею идти,
Надо только лишь дух перевести.
Верой не обделён,
Отдохну только самую малость,
Чтоб быть снова в пути,
И седым хоть, но снова расцвести.

Отшумело листвою
И цветами разгульное лето,
Осень жизни моей
Листопадом шуршащим зашлась.
Над моей головой
Серебра с позолотою цвета,
Скрытых снегом полей
Осень поздняя кистью прошлась.

А что с душой?

Богаче, говорят, мы стали жить,
Вот только жаль, бедней душою,
Мамоне всё пытаемся служить,
Скорей б набить карман большой.

А до души нет дела никому,
В неё вцепился дьявол там зубами,
Чтоб править миром дальше одному,
А мы бы были в нём рабами.

Чтоб на колени нас поставить всех,
Тех, кто богат сейчас иль беден,
Тех, кто внизу иль выбрался наверх,
Но золотым тельцом уж съеден.

Поэтому растёт число сирот,
И старости бездомной больше,
Правителям обузой стал народ,
И жизнь народа стала горше.

За блеском золота не видим бед,
Глаза на всё давно закрыты,
На протяжении многих тысяч лет
Что заповедал Бог – забыто.

Мы возомнили все себя Творцом,
Творим такое – миру тошно,
Как будто пред всемирнейшим концом
Мы зло себе творим нарочно.

Спешим толпой в объятия к сатане,
Без совести спешим, без страха,
И каждый словно бы осатанел
В преддверьи жизненного краха.

Мы души превратили в решето,
Сквозь рвань и дыры ветер свищет,
Не радует нас всех давно ничто,
Одну наживу каждый ищет.

Мы продаём детей своих и мать,
Собой и Родиной торгуем,
Мы Бога перестали принимать,
Как будто жизнь нашли другую.

А что с душой? Кому она нужна,
То пережиток, мол, химера,
И пониманью как-то уж сложна,
А золоту всё ж больше вера...

Рабская свобода

Не могут жить свободными рабы,
Для них свобода хуже клетки,
Не выйти им из кандалов судьбы,
Не снять и с душ им рабства метки.

Глотнут они свободы лишь глоток,
И тут же вновь их тянет в рабство,
Не приживается её росток,
Лишь в клетках среди рабов их братство.

Свобода им, как говорят, дерьмо,
Им звание даже – дерьмократы,
Жизнь в кайф, когда на шеях их ярмо,
А по углам, на вышках – автоматы.

Коль не согласен раб, то, знать, шпион,
И подорвать решил оковы клетки,
В которой жил всегда «счастливым» он,
Любуясь блеском рабской метки.

Поэтому он рад всегда, всему,
Что только лишь пообещают
Иль бросят в клетку ржавую ему,
Где телом мрут, душой нищают...

Запретный плод

Говорят, что плод запретный сладок,
А доступный горек, вяжет рот,
Надоел, кричим, когда порядок,
Всё хотим всегда наоборот.

Коли дождь идёт, мы просим солнца,
Коли солнце, то мы просим дождь,
Солнце ярко светит, мол, в оконце,
И от этого нас треплет дрожь.

Когда денег нет, мы плачем – бедность,
Много денег – то опять беда,
Душу жжёт нам всем зануда-вредность,
С нею плохо в жизни нам всегда.

Мы ничем не можем насладиться,
Нам не в радость самый лучший дар,
Горек, мы кричим, нам не годится
Даже самый сладенький нектар.

Близости хотим, когда в разлуке,
Коли вместе, то спешим в развод,
Мы свободы ждём, коль свяжут руки,
Коль свободны, не хотим свобод.

Что нам делать, Боже, помоги нам
И на путь нас праведный наставь,
Жажду плоти, Боже, утоли нам,
Жажду духа только лишь оставь.

Все богатства лишь в душе, не в теле,
Крепость духа нас спасёт от лих,
Всё в дерьмо, когда б мы что ни ели,
Превратится, кроме духа, вмиг.

Частушки

Эх! Лиха беда – начало,
Тяжелей ещё кончать,
Но коль песня зазвучала,
До конца будет звучать.

* * *

Коли есть душа и сердце,
Значит, ждут они любовь,
Приоткроется в них дверца,
Как предсказано Судьбой.

* * *

Мы без веры жить не можем,
Без надежды никуда,
Лишь тогда осилить сможем,
Коль с любовью мы всегда.

* * *

Жизнь не вкусная без соли
И без сахара горька,
Горче все ж она без воли,
Словно клетка для зверька.

* * *

Ах! Как хочется согреться
От любовного огня,
Отогреть любовью сердце,
Ну хотя бы на три дня.

«Вы боитесь хорошей погоды...»

Вы боитесь хорошей погоды,
Вы боитесь хороших слов,
Мол, за ними приходят невзгоды,
Разрушают несозданный кров.
Убивают детей нерождённых
Из несозданной вами семьи,
Заставляют и вас, принуждённых,
Врозь остаться, у голой скамьи.
Отравляют смертельным ядом,
Заливают потоком лжи,
Вроде вместе, вдвоём, но не рядом —
Васильками на поле ржи.
И не надо искать виноватых,
Оба вы виноваты в том,
Что не будет ни дома, ни хаты
Никогда, ни сейчас, ни потом,
Потому что их строить надо
Каждый день, каждый час, каждый миг,
А не ставить кругом преграды,
Разделяющие вас двоих.

Новогодний иней

Новогодний иней
всё кругом украсил:
Телефонных линий
провода раскрасил,
У деревьев ветки
словно ёлки стали,
Даже домик ветхий
словно стал из стали.
Дал на пробу лёгким
холодок снаружи
Тот морозец лёгкий,
затянувший лужи.
Эту радость людям
Новый Год подбросил,
Веселиться будем,
все дела забросив.
Новый Год ведь всё же
к нам пришёл с тобою,
И природа тоже
радостна собою.
Показал нам иней,
что зима вернулась,
Небо в краске синей
словно бы проснулось.

Даже кругом птицы
поповорней стали:
Воробьи, синицы
зёрнышки искали,
Снегири искали
семена от ели,
Радостно скакали,
праздника хотели.

НОВЫЙ ГОД

Новый Год шагает по стране,
Новый Год шагает по планете,
Зародившись где-то в старине,
Он приходит весел к нам и светел.

С Новым Годом поздравляем мы,
С ним подарки, словно в день рожденья,
Ждём его мы – словно дар судьбы
К жизни новой нашему движенью.

На твоей и на моей судьбе
Новый Год расставит свои вехи —
Не понять ни одному судье,
Что серьёзно, а что для потехи.

Что придёт, когда и в какой срок,
Что, когда увидим мы на свете,
Знает лишь судьба, зловещий рок,
Лишь знакомы им пути все эти.

Новый Год шагает по стране,
Новый Год шагает по планете,
Как в глубокой, древней старине,
Новый Год мы с радостью все встретим.

Про праздники

Новый Год сменился Годом Старым —
Две недели праздник на Руси,
И народ уж выглядит усталым:
Слишком много радости вкусил.

Много съел салатов, винегретов,
Много вин и водки изучил,
Много пожеланий и приветов
Каждый в этот праздник получил.

Пили за успехи и здоровье,
С пожеланьем счастья каждый раз,
Но не чай и молоко коровье,
И совсем даже не хлебный квас.

Пили так, что печень трепетала,
Пили так, что плавилась мозги,
Пили всё, что в руки попадало,
До тех пор, что не видать ни зги.

А когда закончилось похмелье
И друг друга стали узнавать —
Грусть сменила дикое веселье:
Надо на работу вновь вставать.

Но недолго выглядел устало
Наш народ. Успел давно учесть:
Нам грустить подолгу не пристало —
На Руси ведь праздников не счесть.

Календарь у нас настолько красный,
Что не видно будней трудовых.
Так что скоро грустный вид ужасный
Сгинет от веселий удалых.

«Раскиселил южный ветер...»

Раскиселил южный ветер
Снег, что нам январь принёс.
И не виден месяц светел,
Звёзды тоже он унёс.

По ночам такая темень,
Что уж не видать ни зги,
Хоть бери кресало, кремень
И ночами свечи жги.

Днём кругом большие лужи,
Как весной в апрельский день,
Не видать январской стужи —
Январю морозить лень.

Подхватил, видно, заразу
Старый дедушка Мороз,
Он чихал и кашлял сразу,
Утирая мокрый нос.

Разленился старый дурень
И от дел своих ушёл,
Завалился в тёплый курень,
Чтоб никто уж не нашёл.

Ты лекарства пьёшь напрасно,
Чтобы вылечить свой нос,
Так болеть нельзя, опасно,
Выйди, дедушка Мороз.

Заморозь ты всю заразу,
Заморозь ты эту грязь,
Вылечишь свой нос ты сразу,
Ты ж морозный, грозный князь.

Стукни посохом морозным,
Брось на землю белый снег,
Поведи ты оком грозным,
Разбуди ребячий смех.

Хватит спать, ты ж воевода,
Хватит прятать в шубу нос,
Где же зимняя погода?
Ты же грозный Дед Мороз.

Виртуальная любовь

У компьютера девушка плачет —
Выходила с любимым здесь в чат.
Нет другого общения, значит,
Их сердца в Интернете стучат.

Так по чату друг другу пишут
Те слова, что в сердцах их звучат.
Лишь компьютер бездушный слышит,
Как любовь разрывает весь чат.

Бог дать встречу нескоро им сможет,
Что же делать влюблённым сейчас?
Паутина лишь им поможет
Виртуально быть вместе хоть час.

Этот час любви в Интернете,
Как в пустыне воды глоток,
Как луч солнца во тьме им светит,
Как надежды в сердца их приток.

«Как бы знать, когда и что на свете будет...»

Как бы знать, когда и что на свете будет:
Когда быть войне, когда наступит мир?
Как полюбишь ты, и кто тебя полюбит,
Как увидеть лучезарнейший Эфир?

Кто нам скажет, сколько в жизни жить осталось,
Сколько зим мы проживём и сколько лет?
И какая нам с тобой судьба досталась,
Для чего мы рождены на этот свет?

Кто, когда сказать нам в жизни сможет,
До каких дойдём по жизни мы вершин?
Может быть, о нашей жизни песни сложат
Иль напишут книгу толщиной в аршин?

Что и как мы сможем в жизни сей добиться,
И какой нам предстоит пройти здесь путь?
Как пройти, чтоб не упасть и не разбиться,
Пока ты поймёшь, познаешь жизни суть?

Где от нас надёжно тайна та зарыта?
Где от нас запрятан мудрости ларец?
Может, это лучше, что от нас сокрыта

Дверь – туда, где быть достоин лишь Творец.

«Я вас любил, мои родные...»

Я вас любил, мои родные,
Где б ни был я, в каком краю.
Любить я буду и отныне —
В аду хоть буду иль в Раю.

Мне в наказанье Богом ныне
Дано лишенья перенести,
Нести запятнанное имя,
Спасать поруганную честь.

Ну что же, если Бог позволит
Мне в этой жизни устоять,
Пусть буду я здоров иль болен —
Мы будем счастливы опять.

Я вас люблю, мои родные,
Пусть я у пропасти стою,
Любить вас буду и отныне —
В аду я буду иль в Раю.

«Надо мною свинцовые тучи...»

Надо мною свинцовые тучи,
Друг за друга цепляясь, плывут,
Непредвиденный жизненный случай
Изменил всё – всего в пять минут.

Затянулось июньское небо,
Тёмный мрак солнце быстро закрыл,
Я в таком состоянии не был
Никогда. Стал как птица без крыл.

И не просто без крыл – птица в клетке,
А вокруг злые кошки стоят
И коварнейший коршун на ветке,
Все за каждым движеньем следят.

Ждут, когда приоткрою я дверцу,
И они туда скопом войдут,
Подберутся и к телу, и к сердцу,
И в мгновение ока сожрут.

Для них кто я? Простое лишь мясо,
Коим можно желудок набить,
Это мне всё понятно и ясно,
Но мне мясом не хочется быть.

Знаю, тучи разрушит всё ж ветер,
Снова солнце мне будет сверкать,
Снова будет и ясен, и светел
Небосвод. И я буду летать.

«Меняет ли характеры тюрьма?..»

Меняет ли характеры тюрьма?
Иль наши души, может быть, меняет?
Иль добавляет, может быть, ума,
Когда его кому-то не хватает?

Задумывался ль кто-нибудь из тех,
Кто парня за решётку посылает —
Какой тюрьма несёт ему успех,
Какое знанье он здесь получает?

Не знаю, был ли где, когда пример,
Чтоб ангелами с зоны возвращались,
Когда закончен срок к ним строгих мер?
В пай-мальчиков когда ли воплощались?

Навряд ли в жизни где бывало так,
Скорее всё наоборот бывало:
Садился парень с дури, за пустяк,
А выходил отсюда вор бывалый.

Сначала б надо, чтоб сидела власть,
Все те, кто те законы принимает,
Те, кто мальчишку заставляет красть,
Из-за кого он жизнь не понимает.

Быть может, поняли бы, что тюрьма
Всех преступлений не предотвратила,
А миллионы посвела с ума
И сотни миллионов развратила.

«Который день всё поливает дождь...»

Который день всё поливает дождь,
И на душе скребутся злые кошки.
Грязь, слякоть – не проедешь, не пройдёшь,
Хоть надевай охотничьи сапожки.

Хоть вызывай армейский вездеход,
Или понтоны, иль сапёров роту,
Чтоб переправу сделать иль проход.
Ну вот, задал всем дождь теперь заботу.

Когда же наконец придёт тепло?
Когда же наконец засветит солнце?
Когда же станет сухо и светло
И в лето вновь откроется оконце?

«От тюрьмы, да от сумы не зарекайся...»

От тюрьмы, да от сумы не зарекайся —
Так народная пословица гласит.
Провинился перед Богом – сам покайся,
Бог поймет тебя, Он добрый, Он простит.

Ну а если и судить – то судом Божиим,
Божий суд – он самый праведный есть суд.
Бог он знает всё: когда, где правда с ложью —
Ему Ангелы всё скажут, донесут.

Да и сам всегда насквозь всех Бог нас видит,
Знает как, когда и чем мы все живём.
Бог нас любит, не предаст и не обидит,
Если с Богом в жизни вместе мы идём.

«Повернуло лето на закат...»

Повернуло лето на закат,
Так и не успевши нас погреть,
Так не осмолив спины ребят
И не дав девочкам загореть.

Снова продолжают лить дожди,
Снова небо тучами зашлось,
И в прогнозах говорят: «Не жди...»
Для нас снова солнца не нашлось.

Говорят, подвижка полюсов,
Говорят, Чукотке повезло:
Вместо редких тундровых лесов
Там Канары будут всем назло.

Здесь у нас распашет всё ледник,
Здесь мы будем вечно замерзать,
Говорят, что в души уж проник
Холод. И нас скоро будет не узнать.

Новый, говорят, начнётся цикл,
Новая на землю жизнь придёт.
Мы забудем авто, мотоцикл,
Кто-то колесо изобретёт.

Кто-то снова скажет, что он царь,
И природой сможет управлять.
Сможет снова, как сегодня – встарь,
Реки вспять обратно направлять...

Повернуло лето на закат,
Так и не успевши нас согреть.
Где бы взять хотя бы напрокат
Солнце, чтоб погреться, загореть.

«Я видел, как за мною приходила смерть...»

Я видел, как за мною приходила смерть.
Она с тоскою смертной на меня глядела.
Мне было страшно, но я всё же смог суметь
От смерти вырваться, не дав души, ни тела.

Я помню смерти мёртвый, леденящий взгляд
И в преисподнюю глубокую дорогу,
Глаза, что злобно глядя на меня, молят
Пойти за нею в пропасть, к сатане, не к Богу.

И я готов был без раздумий сделать шаг —
Шагнуть туда, куда Холодная тащила.
Но вырвался тогда, упала смерть в овраг —
Мне, видно, Божья Мать уйти не разрешила.

Чёрный юмор

Два на три с половиной метра
Да на выход стальная дверь,
За решёткой – окно от ветра,
Коль не веришь – то сядь, проверь.

Так что вдруг кому нужна хата
И баланда на каждый день,
Повезёт, будет и зарплата,
Коль работать тебе не лень.

То иди, проси прокурора,
Он поможет, всё может быть,
И с другой стороны забора
Ты «с удобствами» будешь жить.

Прогулочный дворик

Четыре на восемь прогулочных шага —
Восемнадцать квадратных метров ходьбы.
Суровые эти тюремные блага
Для каждой тяжёлой тюремной судьбы.

В закрытый решёткою каменный дворик
Эка ежедневно выводят на час.
Чуть что – надзирателя бдительный окрик
С угрозой лишиться прогулки для вас.

Лишь час дан, чтоб сплюнуть тюремную плесень —
Тюремной чахотки родного дружка,
Услышать пичуги щемящую песнь —
Марш вашим прогулочным мелким шажкам.

Четыре на восемь прогулочных шага —
Восемнадцать квадратных метров ходьбы.
Суровые эти тюремные блага —
Дар каждой тяжелой тюремной судьбы.

«Неужели пролетит так лето...»

Неужели пролетит так лето,
А за ним так жизнь моя пройдёт?
Неужели в моей жизни это
Весь остаток дней моих займёт?

Неужели впредь через решётку
Суждено на небо мне глядеть,
Чувствуя подглядыванье в щёлку,
На тюремной шконке умереть?

Боже мой, Великий! Мой Спаситель!
Я тебя прошу: меня прости
И не дай, чтоб дальше Искуситель
Мог меня от жизни увести.

«Мой следователь был такая сука...»

Мой следователь был такая сука,
Всё говорил, что буду я сидеть,
Мол, будет впредь другим потом наука,
Посмотрим вот тогда, что будешь петь.

А опер – тот сгноить всё обещался,
Где дед Макар своих телят не пас.
Он ждал, чтоб я от страха облажался,
А я не сдрейфил и на этот раз.

И просчитались и следак, и опер —
С испугу я в штаны не наложил.
Я ум свой ведь не прокурил, не пропил,
И я на них с прибором положил.

Не знали, что когда-то я в разведке
Урок для жизни важный получил.
Там разум нужен твёрдый, а глаз меткий —
Закон разведки так всегда гласил.

А следователь – всё ж такая сука,
Всё говорил, что буду я сидеть.
Но ни к чему мне эта их наука —

Мне хочется на воле песни петь.

Романс

За тюремной решёткою воля,
Воздух чистый и солнечный свет,
И знакомый когда-то до боли
Хризантем белых пышный букет.

Что же делать теперь, дорогая,
Эти я испытанья пройду,
Жизнь у нас ещё будет другая,
Я к тебе вновь с букетом приду.

Я приду и тебя поцелую,
Свою душу тебе отворю.
Тебя милую, вечно родную
Обниму и букет подарю.

За тюремной решёткою воля,
Воздух чистый и солнечный свет.
И знакомый когда-то до боли
Хризантем белых пышный букет.

«Наконец-то за окошком снова солнце...»

Наконец-то за окошком снова солнце,
Кончились дожди, и птицы стали петь.
У раскрытого тюремного оконца
Я устроился на волю поглядеть.

Рядом с дедом шустро бегают девчушка —
Капор, как у дочки был когда-то шит.
С собачонкой белой маленькой старушка
К магазину за покупками спешит.

Говорливой, пёстрой стайкою девчата
По тропиночке туда-сюда снуют,
Да подвыпившие местные ребята
Под гитару озорную песнь поют.

И за дверью уж не слышен надзиратель,
Тоже, видно, где-то греется, сидит.
Только к горлу подступивший ком-предатель
Не отходит, а вцепился и стоит.

Не уходит ком, вцепился в моё горло
И сильнее начинает всё душить.
Душит – аж в груди совсем дыханье спёрло,

Словно хватит, говорит, на свете жить.

Я стою всё у раскрытого оконца,
Всё вздохнуть пытаюсь, дух свой перевести —
Может быть, и мне на радость это солнце
Вместе с светом принесёт благую весть.

«Надзиратель решетку и шконку...»

Надзиратель решетку и шконку
Оглядел и спросил: «Есть пропилил?»
Острым взглядом окинул иконку,
Что на стенке я здесь укрепил.

Оглядел – что на полке, что в сумке,
Посмотрел, что в пакетах лежит.
Мол, бывают еще недоумки,
Кто побег совершить здесь решит.

Был когда-то здесь этакий случай,
Говорят, что Держинский бежал.
Тот, который потом других мучил,
Воли, как и его здесь, лишал.

Но побег – это только морока,
Если хочешь её ты иметь.
Здесь, из камеры, только сорока
Разве что может вдруг улететь.

Но, увы, это может сорока,
Воробей иль скворец улететь,
А Ванюшке Скворцову до срока

Здесь придётся, как всем, отсидеть.

Знаю я, что тюрьма – это клетка,

Важность что на себя напустил?

Если есть у тебя сигаретка,

Ты бы лучше ребят угостил.

«Давит бок мой железная шконка...»

Давит бок мой железная шконка,
Лай собаки уснуть не даёт,
За решёткой шальная девчонка
О любви своей песню поёт.

Застонал, стиснув зубы, мальчишка,
Он от песни девчонки не спит,
Одеялом тюремным, как крышкой,
Заслонился, зубами скрипит.

Там на воле далёкой девчонка
Парня, верится, любит и ждёт.
И родная до боли сторонка
Пред глазами мальчишки встаёт.

Пред глазами притихшая мама
У окошка печально стоит.
Стиснул зубы мальчишка упрямо,
Знает: мама поймёт всё, простит.

Хоть и медленно тянется время,
Но закончится срок, всё пройдёт —
Сбросит парень тюремное бремя

И к девчонке и к маме придёт.

Давит бок мой железная шконка,
Лай собаки уснуть не даёт,
За решёткой шальная девчонка
О любви своей песню поёт.

Разговор со следователем

Мне следователь сказал: «Я тебя унижу!
Узнаешь ты тогда, сколь стоит лиха фунт.
Не будешь признавать, я так тебя обижу,
Что ты совсем сгниёшь тогда на нарах тут».

На нарах жить резона вовсе я не вижу,
И брать всё на себя мне тоже ни к чему.
– Ну, что же, – говорю, – что Бог даст, то увижу.
Сгниёт же кто быстрее – знать Богу, не ему.

Конфуз, конечно, тут большой со мною вышел.
Что тут и говорить, нарушил я закон.
Однако Бога суд людского суда выше,
Я Богу помолюсь, пусть всё решает Он.

А следователь пусть сейчас что хочет пишет,
Хоть в десять больше раз, а хоть и во стократ.
Молиться буду я, и Бог меня услышит,
Бог – мне и прокурор, Бог – мне и адвокат.

Вертухай на вышке

Вертухай на вышке – сука,
С чёрным бантиком сидит,
Козырьком поставив руку,
Настороженно глядит:

Вдруг откуда из окошка
Что на волю полетит,
Смотрит хитрая, как кошка,
Что за мышкою следит.

Думаю, ну что за счастье
Она может получать:
Ну, зарплату б хоть отчасти,
Иль науку изучать?

Но ни то и ни другое
К ней на вышку не придёт,
Даже небо голубое,
Даже солнце, что взойдёт.

Чем же так она довольна,
Что она может иметь,
Чтоб на вышке добровольно
За оградой сидеть?

Знать, не деньги, не науки,
Не наряды ей нужны —
Ей, как прирожденной суке,
Ощущения важны.

Ей не важно, что решётка
И что может огрубеть,
Главное, что та дешёвка
Может всех зэка «иметь».

И от этого в экстазе
Каждый раз, когда сидит.
Что же ей ещё, заразе?
Ладно, сука, пусть глядит.

За окошком

За окошком кусок хлеба
От тюремного пайка,
И тоскливо глядя в небо,
Жду я друга – голубка.
Прилетит сегодня голубь,
Со мной хлебушка поест,
Сядет у решётки голой —
Будто ждёт какую весть.
Я ему раскрою душу,
Я с ним, как с самим собой,
Унесёт друг сизый стужу
Из моей души долой.
Жаль, не может он с собою
Волю вольную принести,
Не заведует судьбою —
Ну да ладно, пусть поест.
Пусть возьмёт кусок с собою
И покормит голубят,
Может быть, потом гурьбою
Ко мне в гости прилетят.
Тут я им устрою встречу,
Тут я им устрою пир,
Будь то утро или вечер —
Будет пир им на весь мир.

Поделюсь всем, чем смогу я,
Хоть не пышно здесь живут —
Может быть, судьбу другую
Мне от Бога принесут.

Ну не всю судьбу, конечно,
Новую им не донести —
Мне бы волю чтобы вечно,
Да отмыть свою бы честь.

«Когда-то тут Дзержинский по соседству...»

Когда-то тут Дзержинский по соседству
В такой же камере, как я сейчас, сидел,
Потом он передал нам по наследству
Орловский каторжный центральный беспредел.

Он, как и я, тут тоже ел баланду
И серый хлеб тюремный с запахом мышей,
И за сто лет российскому таланту
Не посчастливилось исправить ход вещей.

Лишь электричество сменило свечку,
Парашу – более комфортный унитаз,
Да радиатор отопления – печку,
Но та ж решётка, в двери всё тот же глаз.

Всё тот же устоявшийся веками
Орловский фирменный тюремный колорит,
И так же, как тогда, сквозь зубы с вами
Тюремный важный надзиратель говорит.

Сиделец здесь не знает уваженья
И силу злобную всем хочет показать,
Но мазохистски терпит униженья —

За дух бунтарский могут наказать.

И этот дух, накопленный веками,
Свисает грузно здесь со стен и потолка,
Он давит сердце грязными руками
Всех: выводного, надзирателя, зэка.

Сто девятнадцатая камера

Сто девятнадцатая камера,
От угла двенадцатое окно.
Время спрессовалось и замерло
Для меня. Лишь за решёткой текло.

Больно! Мыслей поток рвёт голову,
Бьётся об стены, решётки и пол.
Расплескавшись каплями олова,
Прожигает душу мою, как стол.

И крутится страшное месиво,
Сердце сжимает и бьётся в висок.
Чем всё закончится? Знать если бы,
Как заглянуть бы вперёд, хоть в глазок?

Но нет. Здесь в глазок только вижу я
Лишь отраженье решётки в окне...
Замерла, вся сплющилась жизнь моя,
Плавится и прогорает в огне.

Сто девятнадцатая камера,
От угла двенадцатое окно.
Время спрессовалось и замерло
Для меня. Я за решеткой, в СИЗО.

Следователь и прокурор

Как бы забраться мне в душу,
И что в ней есть мне в укор,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.